

СОВЕТСКИЕ ВЕРУЮЩИЕ: ОБЩИЕ СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Автор статьи «рисует» общий «портрет» советских верующих, анализирует половозрастной состав религиозных общин, образовательный уровень верующих, их социальный статус, условия жизнедеятельности в советском обществе. Отмечаются проблемы, связанные с типологизацией верующих и выяснением уровня их религиозности и интенсивности религиозных практик.

Понятие «советские верующие» – сложный и многогранный образ, хотя оно само по себе, казалось бы, представляет соединение несовместимых понятий. Советская социалистическая система предполагала отсутствие такого явления, как религия и церковь и, стало быть, верующих, поэтому на всем протяжении существования советской власти ею велась неустанная борьба с религией и ее носителями. Борьба эта хотя и не увенчалась успехом с точки зрения конечной цели – полной атеизации населения, – но все-таки имела свои результаты. Годы гонений и террора привели к значительному сокращению и количества религиозных организаций в стране, и к резкому уменьшению численности их членов.

Точных цифр на этот счет не фиксировалось, специальная статистика числа вероисповедующих не велась. В 1939 г. в анкетах Всесоюзной переписи населения последний раз был задан вопрос, считают ли себя граждане верующими или нет. Известно, что весьма неполные итоги переписи дали советскому режиму шокирующие для него цифры верующих в СССР. На заданный в переписном листе вопрос «Являетесь ли вы верующим или нет?» треть городского и две трети сельского населения страны ответили «да». Если помнить, что тогда значительная часть населения по-прежнему проживала в сельской местности, то общий итог «борьбы с религией» для советской власти и правящей партии оказался неутешительным и даже пугающим.

Американский социолог Н. Тимашев, опираясь на данные о степени урбанизации в СССР, в своей книге 1942 г. сделал обобщение, что 56% его населения является религиозным. Общую численность граждан в тот период советская статистика определяла в 170 млн человек. В этих условиях Ем. Ярославский назвал цифру верующих в 80 млн человек (более 47% всего населения), а все разговоры о более высокой их численности отнес к области слухов [1. С. 34]. Таким образом, даже если основываться на официальных данных (а цифра, названная главным борцом с религией Ем. Ярославским, может считаться таковой), получается, что к началу 1940-х гг. верующие в стране составляли почти половину ее населения.

Никем не оспаривается, даже советским научным атеизмом, факт роста общей религиозности людей, оживления религиозных настроений в годы Великой Отечественной войны. Следовательно, можно полагать, что и в начале послевоенного периода половина жителей СССР так или иначе придерживалась религиозных взглядов.

Тем не менее приходится признать, что и успехи атеизации и секуляризации советского общества были налицо. Численность верующих (даже по самым оптимальным показателям) с 1917 г. постоянно сокращалась, и тенденция ее уменьшения была очевидной. Этому было

много причин и есть много объяснений от простых до более сложных и неоднозначных. При этом ссылки на культурный прогресс, повышение образования, экономический и социальный подъем страны должны иметься в виду. Не последнюю роль сыграла и борьба с институциональной религиозностью, которая осуществлялась систематически в 1920–30-е гг., в конце 1950–60-е гг. Речь идет о закрытии храмов, молитвенных домов, роспуске религиозных объединений и их руководящих структур и всей той антирелигиозной практике, которая осуществлялась практически перманентно.

Что же происходило в массовом сознании в послевоенные десятилетия, какова была степень распространения религиозных представлений у советского народа? Адекватные ответы на эти вопросы едва ли можно получить. Как отмечалось, систематические опросы по выявлению состояния религиозности населения в СССР стали проводиться с конца 1950-х гг. Но восстановить из них подлинную картину народного сознания невозможно. Данные опросов вызывают безусловное сомнение. И не только потому, что социологи, несвободные в своем научном поиске, «подгоняли» их под нужные проценты и цифры. Надо полагать, что ответы респондентов, живших в стране, где религиозная вера преследовалась десятилетиями, были обусловлены определенным конформизмом и глубоко укоренившимся страхом или представляли собой формальные стереотипы. (Стереотипизация ответов на тему религиозности – явление, характерное и для современного общества, поменялось только содержание стереотипов.)

Применительно к 1970–80-м гг. большинство отечественных социологов религии называли в своих исследованиях умеренные цифры верующих в стране – 15–20%. У. Флетчер (известный американский социолог, занимавшийся изучением религии и церкви в СССР) в своих работах признавал их заниженными и приводил собственную методику расчета, обосновывая более «правдоподобные», на его взгляд, цифры – от 25 до 35% и даже выше [2. С. 32]. Американский ученый был убежден, что более низкие показатели советских социологов объясняются в первую очередь тем, что они решительно исключали из состава верующих такие категории, как «колеблющиеся» и даже «колеблющиеся верующие».

Флетчер напоминал, что СССР был многонациональным государством, что для многих его граждан с национальных окраин религия и культура были почти тождественны, поэтому религиозность здесь была значительной (республики Средней Азии, да и вообще ареала распространения ислама, Прибалтика, Западная Украина и др.). «Таким образом, – 60% для нерусской части населения при ближайшем рассмотрении не является циф-

рой необоснованно завышенной» [2. С. 33]. Более-менее реальный показатель религиозности для русского населения он определял до 30%. А среднее число из этих двух цифр позволяло ему доводить численность верующих в СССР до 45%. Предупреждая неизбежные обвинения в значительном завышении данных, У. Флетчер, как уже отмечалось, приводил свою методику расчета и делал «закономерный» вывод: несмотря на энергичную атеистическую пропаганду, религия продолжала существовать и оставаться важным фактором общественной жизни в СССР.

Среди множества трудных проблем темы весьма существенным представляется выделение основных критериев, позволяющих говорить о человеке как верующем существе. Достижение этой сугубо теоретической цели напрямую связано с конкретной исследовательской задачей и призвано помочь разобраться не только с тем, кто были советские верующие, какими они были, но и сколько их было. Собственно, эти проблемы вполне взаимосвязаны. Ведь от того, кого и как относили к категории верующих советских граждан, зависели в конечном счете и показатели по общей численности верующих в СССР (можно с полным основанием утверждать, что эти проблемы и сегодня не менее актуальны, и не только для отечественной науки).

Очевидно, что очень сложно установить, во-первых, даже внешнюю религиозность [3. С. 21] человека, а во-вторых, что за ней скрывается: фанатизм, настоящая преданность культу или поверхностное знакомство с ним, бессознательная тяга к нему как к эстетическому процессу¹.

Безусловно, что все религии имеют свой характерный тип верующего человека, причем содержание религиозности со временем претерпевает изменения, поскольку так или иначе претерпевают определенную эволюцию и сами религии. Суть этой эволюции – трансформация этнокультурных механизмов воспроизводства традиционных мировоззренческих стереотипов и одновременно появление новых видов обрядности и культов. Религия долгое время выступала нравственно-этической парадигмой сущего, но со временем некоторые императивы религиозного сознания деформировались, иногда до полного растворения в светском, обыденном. Религия утрачивала жесткость ритуальных требований, упрощала и нивелировала их. В такой ситуации не всегда четко определяются однозначные критерии разделения мирян на верующих и неверующих.

До сих пор в мировом и отечественном религиоведении и социологии религии нет единой концепции на этот счет, а для вычленения собственно верующих людей и их классификации используются различные основания, каждое из которых страдает определенными недостатками. Например, применяющийся некоторыми исследователями для измерения религиозности показатель «участия в религиозных обрядах» не может рассматриваться как очень надежный, так как часть обрядов людьми исполняется не только в силу собственно религиозных причин, а по привычке, моде и т.д. Часть людей соблюдает обряды время от времени, а еще некоторые считают, что

обрядовая сторона в самочувствовании себя верующим вовсе не обязательна.

Неадекватен и такой показатель религиозности, как «вера в сверхъестественное». Сам по себе он суммируется из индикаторов, отражающих веру индивида в Бога и в отдельные положения теологической доктрины. Но известно, что есть люди, которые охотно причислят себя к верующим в сверхъестественное, но это может быть не обязательно Бог. Другие, признавая Бога, совершенно не ориентируются в доктринах вероучения. Наконец, в условиях, когда вера в сверхъестественное выступает нормой, которая не приветствуется обществом (советский вариант), достоверность ответов по данному показателю вообще резко снижается.

В ряде исследований применяется критерий «отношение к религиозной деятельности», который формируется из учета конкретной деятельности, направленной на укрепление и развитие религиозных институтов и отношений, на вовлечение в церковь новых членов. Понятно, что и в рамках данного основания существуют свои варианты.

При учете всех этих и других критериев строится типологизация верующих, и недостатка в предложениях групп верующих по интенсивности религиозных практик нет. По уровню и характеру религиозности Дж. Фиктер, например, выделил 4 типа верующих:

- 1) убежденные верующие (наиболее активно участвующие в жизни церкви);
- 2) формально верующие;
- 3) верующие промежуточного типа;
- 4) бездействующие верующие (не участвующие в жизни церкви) [4. С. 50–51].

Сложен вопрос и о промежуточных типах религиозности. Категорию «колеблющихся между верой и неверием» при известных условиях можно отнести к числу верующих, а при других, наоборот, исключить. В таком случае показатели по общему количеству верующих будут значительно разниться. Аналогичная, если не более сложная, ситуация складывается с категорией «безразличные».

Все эти общетеоретические и практические трудности с определением уровня, «качества», «глубины» религиозности человека, с типологизацией верующих, характерные в целом для социологии религии, отягощаются дополнительными обстоятельствами, когда речь заходит о количестве верующих в СССР и попытках их различения по разным типам религиозности.

Общий «образ-портрет» советских верующих был сформирован советской социологией религии достаточно полно и не вызывал больших разногласий у отечественных исследователей, да и тот же Флетчер в целом согласен с их оценками. Значительная их часть подтверждается и данными нашего исследования по религиозной ситуации в Западной Сибири в 1940–1960-е гг.

Характеристика состава верующих в СССР обычно строилась по следующим показателям:

- 1) половозрастной состав;
- 2) образование;
- 3) принадлежность к социальным слоям;
- 4) сравнение состояния религиозности в городе и на селе;
- 5) религиозная практика;
- 6) верующий и окружающий мир.

¹ Л.П. Карсавин, например, понятие «религиозность» определил как «субъективную сторону веры», т.е. не во что человек верит, а как он верит.

При общей оценке советских верующих уже с конца 1930-х гг. настойчиво стал звучать вывод о значительном, чаще подавляющем преобладании среди них пожилых людей. Этот вывод повторялся и в 1950–70-е гг. и, видимо, в целом соответствовал действительности. Такое положение было характерно для большинства конфессий и объяснялось целым рядом факторов, в том числе естественным старением, сокращением воспроизводства веры среди молодых из-за полного отлучения их от религиозного воспитания.

Эмпирическое изучение состояния религиозности среди молодежи было в значительной степени затруднено, поскольку жизнедеятельность ее в советских условиях была более публичной и коллективистской. Поэтому даже те из молодых, кому была присуща религиозность, не были склонны ее излишне демонстрировать, обнаруживать перед посторонними. Латентность религиозной веры у части молодых людей в определенной мере объясняет и такой феномен: почему сохранялась определенная стабильность численности верующих в 1940–70-е гг., хотя по логике естественного развития она должна была уменьшаться.

Старшие поколения, составлявшие большинство верующих, уходили из жизни, молодежь не религиозна, откуда же брались верующие в каждое следующее десятилетие? Очевидно, что часть из тех, кто был молодым в 1930–40-е гг. и уже не причислялся к верующим, переходя в разряд среднего и пожилого возраста в 1960–70-е гг., находили нужным и возможным открыто исповедовать религию. Понятно, что вывод этот, скорее, из разряда умозрительных, но приведенные предположения не лишены резона.

Все данные, не только специальных социологических обследований, но и списочные составы зарегистрированных религиозных групп, наблюдения уполномоченных по делам религий и другие неоспоримо свидетельствовали, что большинство верующих (практически во всех конфессиях) – это женщины. Иногда их преобладание над мужским составом той или иной общины и религиозной группы было кратным (в 2–4 раза). Известно, что женщины преобладают в большинстве христианских деноминаций, а также что продолжительность их жизни длиннее, чем у мужчин. Эти объективные факторы в целом срабатывали и в советский период.

Но гораздо важнее другая причина, объясняющая значительное преобладание женщин в составе верующих. Практически вся первая половина XX в. для России – это бесконечные войны, истреблявшие в первую очередь мужской пол. Кроме того, есть и другая горькая правда: верующие мужчины соответствующих поколений были в большинстве своем физически уничтожены в годы сталинизма и как «контрреволюционеры», и как «враги народа», и как «кулаки», и как «шпионы», и как просто верующие.

Не подлежит сомнению и другой общий вывод, что большинство советских верующих были люди с низким уровнем образования или вообще лишены его. Этот показатель давал пищу для однозначных оценок представителей научного атеизма о том, что религия – это убежище малообразованной, малокультурной публики, склонной по этим причинам к предрассудкам, суевериям, мистике. Поэтому, считали они, религиозное поле в

СССР неуклонно сужается по мере роста всеобщего образования и в скором времени совсем исчезнет. Такие выводы базировались не только на марксистском объяснении гносеологических корней религии, но и на более примитивной традиции объяснения религии по схеме «встреча дурака с обманщиком».

У. Флетчер подходил к этому явлению с другой стороны. Во-первых, анализируя уровень образования, он писал, что «многие верующие были лишены возможности получить высшее образование» [2. С. 29], явно намекая на существовавшую дискриминацию верующих, доступ в вуз которым был закрыт. Понятно, что такое предположение категорически отвергалось советскими оппонентами американского советолога и религиоведа [5. С. 36], хотя факты дискриминации все-таки были. Отказы в выдаче аттестатов о среднем образовании, исключение из вузов верующих встречались и в Западной Сибири в исследуемое нами время. Таким образом, хотя юридически закрепленной дискриминации верующих при получении высшего образования не существовало, в реальной жизни верующий мог с ней столкнуться.

Заслуживает внимания и такое предположение Флетчера (и мы с ним согласны), что искренне и глубоко верующие в меньшей степени были ориентированы на получение высшего образования. Кроме того, с течением времени их ряды естественным образом покидали те представители, которые были воспитаны в религии и получили образование еще до революции, что также сказывалось на численности среди верующих высокообразованных людей.

Еще одним важным показателем состава религиозных общин была социально-профессиональная принадлежность, характер занятости их членов. И в этом пункте данные советской социологии вызывают мало сомнений и дискуссий. От 30 до 60% верующих в разных религиозных объединениях были пенсионеры, домохозяйки и иждивенцы. А занятые на производстве, как правило, выполняли малоквалифицированную работу и, соответственно, малооплачиваемую. Отсюда – низкий достаток и малообеспеченность семей верующих, многие из которых были многодетными. С другой стороны, среди верующих было немало одиноких людей (вдовы, разведенные, холостяки), бытовая устроенность которых тоже была невысокой.

Проведенное нами исследование позволяет в целом согласиться с вышеприведенными характеристиками социального портрета советских верующих, хотя с объяснениями причин таковых, дававшимися советскими учеными, мы не совсем согласны.

Из других общих социологических оценок состава советских верующих отметим следующие. И специальные исследования, и наблюдения свидетельствовали о том, что верующие отличались от неверующего населения по организации досуговой деятельности. Посещение кинотеатров, театров, массовых зрелищ было не характерно для большинства из них. Среди читателей библиотек, подписчиков газет они тоже редко встречались, хотя это и не значит, что верующие были полностью оторваны от жизни общества. Данные показатели позволяли атеистам рассуждать об изоляции верующих от общественной жизни, что якобы само по себе значительно обесцвечивало и обедняло их жизнь.

Отчуждение от общества для советских верующих было нормой жизни. Частично это являлось совершенно сознательным выбором, проистекавшим из вероучительных принципов. Действительно, во многих вероучениях радости земной жизни трактовались как несущественные, малозначимые, а то и опасно-греховные. Взамен их предлагались ожидания «небесной» компенсации. Кроме того, насыщенная богослужебная, молитвенная и другая обрядовая внутриобщинная деятельность поглощала основную часть свободного времени верующего человека. Не стоит забывать и о том, что изоляция верующих от общественных практик и инициатив проистекала не только от них самих, но была обусловлена самой атмосферой недоверия, непонимания и преследования, которая была сформирована вокруг них в советском социуме.

Интересны и такие характеристики социального портрета советских верующих. Достаточно устоявшимся было представление о том, что оплотом религиозности в стране оставалась сельская местность. Данные специальных социологических обследований по ряду регионов СССР, проведенные в 1960–70-е гг., подтверждали этот тезис [6]. Вместе с тем следует иметь в виду, что сельская религиозность, равно как и городская, никогда не была однородной. В деревнях формировались разные типы верующих, хотя российская деревня во все времена рассматривалась как оплот православия. Но за годы советской власти в этом отношении произошли значительные подвижки. Массовые пертурбации эпохи коллективизации, антикрестьянская политика большевиков привели к тому, что сельская местность значительно опустела в физическом плане и ослабла в духовном. Разрушение деревни сопровождалось ликвидацией храмов и религиозных общин. Этот процесс был характерен и для Сибири. Здесь до революции основная

численность православных общин также приходилась на сельскую местность, которая уже к середине 1930-х гг. «обесцерковилась». В то же самое время можно считать, что религиозная картина города была более насыщенной и разнообразной. На примере Западной Сибири видно, что именно в городах, крупных районных поселениях сосредоточивалось основное количество религиозных организаций самых разных исповеданий.

Завершая разговор о специфике состава советских верующих, стоит напомнить, что все означенные характеристики религиозности и социокультурного портрета верующих, безусловно, обобщены и усереднены. Они могли выглядеть по-разному в различных регионах страны, а также внутри отдельных деноминаций.

Не надо забывать и того, что в целом же религиозная практика в советский период осуществлялась не только собственно верующими. Например, широко и повсеместно были распространены православные иконы, которые можно было встретить в домах, где официально никто себя к верующим не относил. В тех населенных пунктах, где были открыты храмы, отмечалось достаточно массовое, особенно в религиозные праздники, посещение их неверующими, в том числе и молодежью.

Еще более массовый характер носило участие в религиозных обрядах, которые соблюдались не только истинно верующими. Это же относилось к религиозным праздникам. Причем такое отношение населения к религиозной обрядности было характерно для районов традиционного распространения как православия, так и ислама. Еврейское население тоже ревностно участвовало в важнейших иудейских обрядах и ритуалах, даже если не имело официальной принадлежности к общинам.

Такова была самая общая социологическая картина религиозности в советской стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Социологические исследования*. 1987. №7.
2. Флетчер У. Советские верующие // *Социологические исследования*. 1987. №7.
3. Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках. СПб.: Летний сад, 1997.
4. Ильясов Ф.Н. Религиозное сознание и поведение // *Социологические исследования*. 1987. № 3.
5. *Социологические исследования*. 1987. № 7.
6. Лебедев А. Конкретные исследования в атеистической работе. М.: Политиздат, 1976.

Статья представлена кафедрой истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «История» 19 ноября 2003 г.